

КОНДАН
И ВСЛАННИКИ
ВУРДИ

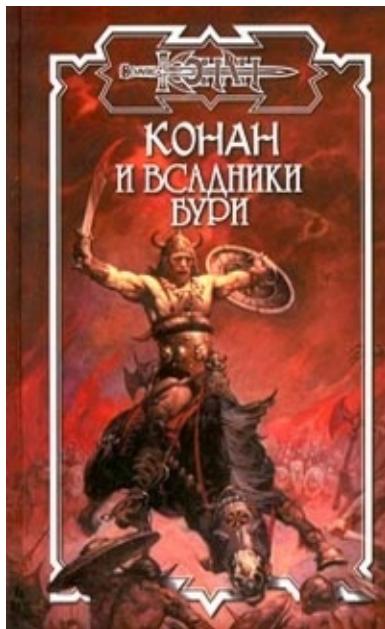
Annotation

...Вот так Конан и попал сюда, в самые отдаленные южные земли Турана на границе с Иранистаном. Где-то на востоке за невидимыми горами лежала легендарная Вендия. Оттуда из недоступных долин, спускались орды хвонгов и хозяйничали по всему приграничью. Малочисленные гарнизоны турецких крепостей не могли их сдержать и забрасывали посланиями столицу умоляя о помощи. Наконец, сиятельный Илдиз внял их настойчивым мольбам, и теперь он собирался покарать не только зловредных хвонгов, но и ненасытного своего соседа в лице вендейского владыки...

•

Джей Болтон

Бог долины

(ACT, «Северо-Запад Пресс», 2001 г., том 62 «Конан и Всадники бури»)

Степь дышала зноем и пылью. Звенящий воздух дрожал под лучами немилосердного солнца, мерцая маревом у кромки горизонта, там, где белесое полуденное небо обнимало раскаленную землю. Куда ни кинь взгляд, всюду расстилалась бескрайняя туранская степь, еще несколько дней назад — величественный зеленый простор, сейчас же выжженный солнцем ковер с пожелтевшей и ломкой травой, хрустевшей под копытами лошадей.

Притомившиеся от зноя кони брели неторопливым шагом, глубоко вздыхая чуткими ноздрями горьковатый аромат степных трав, и с тоской косились на бурдюки с водой, притороченные к седлам своих седоков. Всадники обливались потом, негромко ругались на разных языках и мечтали об освежающем ветре и прохладном дожде. Но пышущее жаром небо над их головами оставалось пронзительно синим, и ни один колосок, ни одна метелка травы не колыхнулась под напором внезапного порыва ветерка. Только пыль, проклятая вездесущая пыль, проникающая повсюду, лезла в нос, разъедала глаза и широким шлейфом тянулась за отрядом верховых.

«Что ж такова, видно, доля наемника, — равнодушно размышлял Конан, находясь впереди отряда, — черноволосый загорелый киммериец, выделявшийся среди остальных воинов гигантским ростом и могучей статью. — Но зачем, иссущи ее Сет, боги создали эту земли, если за три дня езды мы не встретили ни одного кочевья?! Живого человека и то не видели! Будь ты проклят, Саван, пославший нас в это пекло! Чтоб тебе навеки остаться лишь сотником!»

К проклятиям своего командира охотно бы присоединился каждый воин в отряде.

Степь измотала и сломила дух людей: зной высушил кожу, от солнца негде было скрыться, а въедливая пыль, казалось, пропитала все насквозь. Но тем не менее они упрямо ехали вперед, выполняя глупый приказ.

Не первый год шли пограничные войны между Тураном и Вендией. И вот, наконец, терпению туранского владыки Илдиза пришел конец, и он стал готовиться к большой войне, которая раз и! навсегда должна решить столетний спор о землях юго-восточных провинций. Полтора года назад двадцатипятилетний Конан, уже успевший посмотреть на мир, ведомый по жизни капризной судьбой, вошел в благословенный Султанапур, где жизнь была прекрасна и ослепительна, правда, только для тех, кто имел к этому достаточно средств. А так как золото, отнюдь не отягощало карманы киммерийца, то вскоре ему пришлось задуматься, что же делать дальше. Но думал он недолго и, сделав свой выбор, вступил на службу в армию Илдиза.

Потом были мятеж Мунтасем-Хана, бесчисленные стычки с ягами и хвонгами, а за одно деликатное дело, связанное с туранской принцессой, его повысили по службе и назначили десятником — не слишком щедрая награда за неустанный ратный труд. Поэтому пронесшийся среди наемников слух о войне был с радостью воспринят в их кругу; война — это добыча, нeliшняя прибавка к скучному жалованию солдата.

Вся армия ожила и пришла в движение. Не остались не у дел и наемники. Волею мудрою и проницательностью Илдиза их разослали по всей стране обирать его верных подданных: коней, фураж и продовольствие для предстоящего похода. Прозорливый владыка весьма справедливо полагал, что равнодушные к нуждам населения наемники лучше справляются с этой задачей, чем собственные его солдаты.

Вот так Конан и попал сюда, в самые отдаленные южные земли Турана на границе с Иранистаном, куда, похоже, даже сборщики налогов добирались лишь раз в десять лет. Где-то на востоке за невидимыми горами лежала легендарная Вендия — извечный, жестокий враг. Оттуда из недоступных долин, прячущихся в горах, словно орлиные гнезда, спускались свирепые орды хвонгов и хозяйничали по всему приграничью. Малочисленные гарнизоны по пальцам считанных туранских крепостей не могли их сдержать своими силами и забрасывали посланиями столицу умоляя о помощи. Наконец, сиятельный Илдиз внял их настойчивым мольбам, и теперь он собирался покарать не только зловредных хвонгов, но и ненасытного своего соседа в лице вендийского владыки.

Еще пол-луны назад сотня Савана, в которой служил десятником Конан, шла по зеленой, ласкающей взгляд степи, перебираясь от кочевья к кочевью с огромным тысячным табуном лошадей. Они шли по известным местам, не минуя ни одного землевладельца, что значились в налоговых свитках. И вот, когда в списке осталось всего лишь несколько имен, — пришла засуха. Дальнейшее движение вперед было бессмысленно. Кочевники, конечно, уведут табуны в долину реки Ильбарс на новые пастбища, и надо поворачивать отряд за ними, но сотник Саван решил по-иному. Недолюбливая киммерийца и втайне завидуя его стремительным успехам на воинском поприще, он бросил его десяток в раскаленный котел степи на поиски оставшихся кочевий, разумеется, давно уже покинутых, с приказом прочесать степь до самой границы. А тем временем сам погнал табун в Хоарезм.

Конан со злобой сплюнул в траву и окинул взглядом своих людей: хмурые загорелые лица, обветренные губы, воспаленные глаза. И хоть все они были выходцами из разных племен и народов, степь их перекроила на

собственный лад, и сейчас они стали похожи один на другого больше, чем единоутробные братья. Все в стеганых халатах и кожаных доспехах и шлемах с нашитыми медными бляхами, полотняных штанах и высоких сапогах с загнутыми носками.

Конан поморщился и отвернулся — раньше он хоть по цвету одежды мог отличить их друг от друга. Но что еще не выжгло солнце, то надежно укрыла пыль. На серых лицах воинов читалось недовольство, но никто из них не роптал, зубами скрипел, но молчал, ехал вслед за своим командиром, понимая, что не по его прихоти они оказались в этих гибких местах. Конан по праву гордился своими людьми, не раз проверенными в боях и мог поручиться в отряде за каждого. Он не раз отстаивал их права перед начальством и армейским казначеем — вторым вором во всем Туране, как называли его солдаты. Первым, разумеется, был сам владыка Илдиз, урезавший и без того скучное солдатское жалование за малейший проступок. Поэтому среди наемников Конана уважали и как опытного храброго воина, и как справедливого командира. Если прикажет он, за ним они пойдут хоть к самому Сету в пасть без страха и с улыбкой на губах.

«Ну, погоди. Саван! С тобой мы еще сочтемся! — твердо пообещал себе Конан, хотел сплюнуть, да нечем было — во рту, как в печи, пересохло.»

Весь день отряд двигался степью, порою замечая следы перемещений кочевников. Но все следы были трехчетырехдневной давности и вели на север, а им приказано было двигаться на восток. Чем дальше забирался отряд вглубь выжженной солнцем степи тем больше мрачнел киммериец. В нем креп и рос дух неповинования.

«Зачем напрасно истязать людей и животных, выполняя глупейший приказ? — этот крамольный вопрос вот уже целый день неотвязно преследовал Конана. — Разве гибель от жажды в горячей степи достойная — смерть для воина?»

Когда в третий раз остановились на отдых, чтобы напоить измученных лошадей, Конан подозвал к себе Бабака — единственного туранца в его отряде.

Невысокий, но плотный Бабак медленно поднялся с земли и неуклюже походкой непривыкшего к ходьбе степняка, словно бы нехотя, подошел к киммерийцу. Конан посмотрел на туранца, пытаясь заглянуть ему в глаза и понять его мысли, но кочевник упорно отводил взгляд в сторону. Эту привычку Бабак приобрел будучи рабом у своего родного дядьки, к которому угодил в кабалу за долги. Его табун выкосил мор, рассчитываться было нечем вот и пришлось надевать ярмо.

Огромная семья Бабака осталась без кормильца а это верная гибель в степи. По турецким законам, он мог оставить жену и детей в рабстве вместо себя, что и сделал, а сам нанялся в армию. Бывший раб мог быть только наемником, пусть он даже турец, и не мог рассчитывать попасть в гвардию на прибыльную службу. Жену и старших сыновей Бабак уже выкупил, и еще десять лошадей в придачу, чтобы было, чем семье прокормиться, но остались младшие и еще три дочери...

Вспомнив горькую историю Бабака, Конан оставил свои попытки проникнуть в душу степняка и на ломаном турецком спросил:

— Ты, кажется, родом из этих мест, Бабак?

— Да, командир. Мой лес в трех дневных поприщах к югу отсюда, — четко ответил турец и замолчал, с безразличием относясь к тому, спросят ли его еще о чем или отпустят с миром.

Но Конан остался равнодушен к манерам кочевника и прямо задал свои вопросы:

— Нам нужна вода, мы сможем ее здесь найти?

— Впереди воды нигде нет, — как бы извиняясь, пожал плечами Бабак.

— Приятно слышать, — хитро улыбнулся киммериец. — Но ведь где-то она должна быть?

Турец украдкой решился кинуть на него удивленный взгляд.

— Я знаю озеро к северу, вода там даже в засуху держится долго. Если повернем прямо сейчас, вечером у нас будет много хорошей воды. — Кочевник не преминул сделать ударение на том, что им придется нарушить приказ и изменить свой маршрут. А это преступление, за которое Конан, как старший, будет отвечать перед начальством. Киммериец хоть и плохо еще разбирался в тонкостях турецкого языка, все же этот акцент уловил и решил подлить масла в огонь.

— Сколько поприщ еще до гор, если мы продолжим путь на восток?

Бабак не заметил в вопросе лукавых ноток и ответил в присущей себе манере:

— Без воды... с нашими лошадьми... пять или шесть, если вообще дойдем.

— Значит, на востоке нам делать нечего. Передай остальным, мы возвращаемся в Хоарезм, — Конан рассмеялся, глядя как от удивления вытянулось лицо степняка и в раскосых глазах вспыхнули радостные искры. — Веди нас к своему озеру, Бабак. Эй, все в седло! Выступаем немедленно!..

Отряд шел легкой рысью. Люди заметно оживились и повеселели,

даже стали перебрасываться шутками на ходу. Ничто так не радует сердце воина, как дорога домой после трудного и утомительного похода. Да сохранят справедливые боги премудрую голову их десятника! А уж они его начальству не выйдут.

Ночь настигла отряд в пути. Еще мгновение назад над западом полыхало багровое пламя заката, а через миг их окутал мрак, такой густой и липкий, что они сразу же потеряли друг друга из виду.

И только лошади, привыкшие к строю и своему табуну, продолжали бег плотной группой, и всадники,бросив поводья, всецело доверились их чутью.

Небо усыпали россыпи звезд, но сегодня был день новолуния, и рассчитывать на помощь ночного светила не приходилось.

Неожиданно с каурым киммерийца поравнялся Бабак.

— Уже скоро, Конан, — бодро доложил турانец, и хотя Конан не видел его лица, но мог чем угодно поклясться, что оно расплывалось в широкой улыбке, и варвар невольно улыбнулся в ответ, повинувшись своим чувствам.

С приходом ночной прохлады, казавшаяся вымершей степь ожила: застrekотали букашки в траве, где-то совсем рядом плаксиво прокричал вылетевший на охоту канюк, испугав лошадей.

Озеро появилось внезапно — ровное округлое блюдце посреди степи, с тихой серебристой водой, в которой словно в зеркале отражалось звездное небо. Клочки чахлого кустарника по берегам и широкая полоса тростников. Кони рванулись к воде, и людям пришлось сдерживать разгоряченных животных.

Конан спрыгнул на землю и повел своего скакуна вдоль кромки зарослей, пробуя ногой — не топкий ли берег. Но почва здесь высохла за дни засухи и растрескалась, обнажая белесые корни растений, да и само озеро сильно обмелело. Любое место подходило для лагеря.

— Спешиться! — приказал киммериец, и счастливые воины с довольным гомоном посыпались на землю, словно спелые лесные орехи.

— Завар и Фаруд, вы первые на страже.

Двое названных воинов под незлобные шутки своих более удачливых товарищей молча передали им поводья лошадей и без слов растворились в тьме.

Только тогда оставшиеся не спеша расседлали нетерпеливо стригущих ушами лошадей, долго поили и чистили их, нося воду в кожаных ведрах и бурдюках, затем стреножили и пустили пастьись под присмотром Бабака. И лишь позаботившись о животных, люди занялись собой: умылись и кое-как

очистились от пыли. Конан на время сменил сторожей, позволив им привести себя в порядок, перекусить, и снова отправил на свои посты. Для костра топлива не нашли. Вязали пучки из сухой травы и жгли их, чтобы хоть как-то устроить лагерь. Потом уселись тесным кружком и молча жевали черствые лепешки из грубо толченого ячменя и вяленную ломтиками конину, зато, не скучая, запивали еду водой.

Конан распределилочные смены часовых и приказал отдыхать остальным, а сам пошел проверять посты. И только после этого он лег сам.

Наемники уже мирно сопели, утомленные тяжелым дневным переходом, спали, не снимая доспехов и положив оружие рядом с собой. Седло под голову, конскую попону на землю — вот и готова солдатская походная постель.

«Гидарза слишком громко храпит, надо будет его отучить. Но не сегодня. Этот отдых они заработали честно», — успел еще подумать киммериец, прежде чем сон свалил его.

Спал он беспокойно и чутко, поэтому сразу проснулся, потянувшись к оружию, когда уловил какой-то шорох рядом.

— Конан, Конан, проснись. Беда! — раздался тревожный шепот из темноты.

Сон мгновенно исчез, и мозг киммерийца заработал с четкостью галерных гребцов.

— Я не сплю, Фаруд. В чем дело?

— Отряд! Большой отряд! И он идет прямо сюда! — Молочно-бледное в ночной тьме лицо гирканца Фаруда возникло совсем рядом с головой киммерийца.

— Как далеко и сколько их? — внешне Конан остался спокоен, но сердце варвара забилось сильнее.

— Трудно сказать... Идут с юга, как и мы. Послушай сам.

Фаруд припал ухом к земле, и Конан без колебаний последовал его примеру. Откуда-то издалека, будто из самых земных недр послышался тяжелый гул сотен конских копыт, медленно, но неумолимо накатывающийся на киммерийца волной.

Конан резко выпрямился и вскочил на ноги, поспешно пристегивая к поясу меч.

— Хвонги! Только они из степняков не подковывают лошадей, — бросил он оцепеневшему Фаруду.

Гирканец согласно кивнул в ответ.

— Сотни две... налегке идут.

— Буди остальных! Быстро и без шума. Седлайте лошадей! Я к

Завару, — распорядился киммериец и, словно тень, растворился в ночи.

Фаруд по привычке прищекнул языком в восхищении, проводив Конана взглядом, подхватил его седло и со всех ног бросился выполнять приказ командира.

Конан бесшумно крался вперед, и казалось, будто трава сама расступается перед ним. Но даже ему подкрасться незамеченным к Завару не удалось. Еще бы, иначе бы молодой хауранец не служил в его десятке.

— Стой! Назови себя! — холодно предостерег Завар.

— Конан, — коротко бросил киммериец, не сбавляя шага. — Что тут у тебя?

Он сел на землю рядом с хауранцем и осторожно выглянулся поверх трав. Размежеванный топот конницы уже слышался довольно отчетливо.

Вскоре к этим звукам присоединился натуженный конский храп, звон металлических частей сбруи и лязг оружия.

«Хорошо, — довольный услышанным, подумал варвар. — Лошади устали, наверное, тоже шли целый день. Наши свежее, и если придется удирать...»

— Вот они! — выдохнул Завар, ныряя в густой ковыль.

Но Конан уже заметил первых всадников, словно призрачные посланцы смерти, вынырнувших из темноты. Расслабившись в седлах, уверенные в своих силах, они неторопливо направлялись к озеру, не подозревая, что могут здесь кого-нибудь встретить. Киммериец облегченно вздохнул, одно ему стало ясно — хвонги не шли по их следу.

— Уходим! — Конан дотронулся до плеча Завара, зачарованно наблюдавшего за приближающейся ордой хвонгов.

Повинуясь своим инстинктам и безошибочно ориентируясь в темноте, Конан с Заваром вышли точно к поджидавшим их в седлах товарищам. Киммериец, не коснувшись стремени, вскочил в седло. Кони наемников слегка беспокоились, чувствуя близость своих собратьев. В полной тишине отряд направился на запад, в обход озера. Все были собраны, но не напряженны, двигаясь без спешки и суety. Позади послышались радостные крики хвонгов — передовые достигли берега и предупреждали об этом остальных. Ехавший последним Конан встревожился.

Ударив пятками в бока жеребца, он направился к голове отряда. Киммериец хорошо знал порядки и обычай хвонгов и понимал, что они не стали бы кричать просто так, находясь в военном походе.

«Наверно, наткнулись на брошенный нами лагерь, — подумал он. — Но они ведь могли и не знать, где точно находится озеро, и сейчас сзывают своих, а значит, в степи могут рыскать и другие отряды. Надо

выслать вперед разведчика.»

Киммериец уже открыл рот, собираясь отдать приказ Бабаку, считавшемуся лучшим степным следопытом во всей сотне Савана, но оказалось слишком поздно. Нос к носу они столкнулись с отрядом хонгов, и лошади испуганно шарахнулись друг от друга. Первыми пришли в себя воины Конана, особых команд им и не требовалось. Звонко защелкали тетивы луков, и стрелы скосили передних врагов. Хонги подняли отчаянный крик и, наставив копья, ринулись в атаку. Лук киммериец не любил — оружие женщин и слабаков, как считалось на родине варвара, а вот в игре с мечом ему не было равных. Конан бросил вперед каурого, управляя конем только пятками/ с мечом в одной руке и маленьким круглым щитом в другой. И если хонги рвались в бой почти вслепую, то варвар ясно видел врагов, словно был кошкой, вышедшей на ночную охоту. Там, где отказывали глаза, помогали питанные с материнским молоком инстинкты.

Приняв удар на центр щита, Конан хладнокровно опустил меч на голову хонга, разрубая череп вместе с бронзовым шлемом. Это заняло всего лишь миг, но за этот миг мимо киммерийца промчалось не меньше трех всадников.

Конан выбил из седла очередного противника — и вдруг оказался совершенно один посреди ночи и пустоты. За спиной слышался слабеющий шум битвы и нарастающий яростный вой растекающейся по степи конной лавины — с озера на помощь своим торопилась подмога. Но не этот смертельный вал взволновал киммерийца.

По всей степи, со всех сторон на помощь завязавшему бой отряду спешили другие, и невозможно их было счесть. Похолодев сердцем, Конан сцепил зубы и резко повернув коня, галопом помчался к своим людям, где все еще звенело боевое железо. Наемники крепко сцепились с хонгами, не уступавшими им числом, но появление киммерийца в неприятельском тылу в один миг решило исход боя.

— Все живы? — хрипя спросил Конан.

— Хосрова на копья взяли... я сам, лично, видел. Мобед ранен и, боюсь, до утра не дотянет, — ответил Фаруд, пытаясь удержать на месте танцующего жеребца.

Конан прикусил губу, но сейчас было время для решительных действий.

— Хонги повсюду. Их здесь целая армия... Попробуем прорваться... Завар от Мобеда ни на шаг, — коротко обрисовал обстановку Конан, попутно отдавая приказы. — Вперед! И да помогут нам боги!

Лошади рванулись с места и плотной группой пошли на север, расстилаясь по степи в безудержном галопе. Воинственный клич хонгов летел отовсюду.

Лучшие стрелки в отряде, Бабак и Фаруд не упускали случая пустить стрелу на звук, внося сумятицу в ряды врага. Незамеченным, отряд проскакал уже больше полулиги, пока неожиданно не налетел на потерявшийся в степи обоз, охраняемый толпой конных воинов. Приближающийся топот хонги услышали еще издалека, но в темноте приняли отряд за своих. Конан, не раздумывая, направил коня в самую гущу врагов; даже не оглянувшись, он знал, что его люди следуют за ним по пятам. С громким лязгом отряд киммерийца сшибся с растерявшейся охраной, и кони наемников заплясали в сбившихся толпой рядах хонгов в каком-то неистовом танце. Рубились яростно, почти вслепую, доверяя лишь холодной стали и собственному чутью. Кони хрюкали и кусали друг друга, а опьяенные схваткой люди иступлено иссекали врага на куски. Конан впереди остальных прокладывал путь отряду. Он давно потерял разлетевшийся в щепки щит, но взамен приобрел кривой вендиjsкий меч и теперь дрался двумя клинками, кроша врагов, словно заправский аграпурский мясник. Сперва хонги храбро набрасывались на него, словно спущенные с цепи псы, но, по мере того, как быстро таяли их ряды, желающих помериться с ним силой становилось все меньше, и вскоре Конану самому пришлось искать себе противников. Конан вырвался на степной простор, за ним, словно демоны войны, — его люди. Но победа далась им кровавой ценой. Из всего десятка уцелело лишь пятеро, включая самого киммерийца и раненого Мобеда. Все были изранены, в иссеченных, лохмотьями развеивающихся на скаку доспехах. К месту схватки стекались свежие подкрепления хонгов. Узнав, что дерзким лазутчикам удалось вырваться из их рук, они тут же пустились в погоню.

Конан пристально оглядел оставшихся в живых. Хауранец За вар: если придется, он будет, как зверь, драться за раненого Мобеда, пока сам не падет под ударами вражеских сабель. Но он слишком молод, моложе самого киммерица... Бабак — кровь заливалась туранцу лицо, но он улыбнулся, поймав внимательный взгляд командира; этот зубами будет рвать до последнего вздоха — но тогда его родные навсегда останутся в рабстве... Афрасиб, он родом из Иранистана — угрюмый, неразговорчивый воин, прекрасный мечник Его киммериец всегда брал себе в пару в тренировочных боях. Конан вдруг поймал себя на мысли, что ничего больше не знает об этом человеке.

Варвар оглянулся через плечо:

«С Мобедом не уйти», — хладнокровно подумал он

— Скачите в Хоарезм! — стараясь перекричать хлещущий в лицо ветер, прокричал киммериец. Я постараюсь их задержать. Скачите! Это мой последний приказ.

— Но если мы тебя оставим, то нарушим заповедь великого Гишштабса и навеки покроем себя позором! — горячо возразил Завар — Одно из первых правил воина — не бросать командира в бою.

— Пока я жив — приказываю я! — рявкнул Конан, теряя терпение — Скачите!

Дико гикнул Бабак, подхлестывая своего скакуна и вырываясь вперед, и тем подавая пример остальным

Киммериец резко осадил каурого и, пока могли видеть его глаза, провожал взглядом уносящихся вскачь товарищей. Он повернулся коня и с невозмутимым видом поехал навстречу приближающейся орде хвонгов, скрестив клинки на луке седла.

Они, как вихрь, налетели на одинокого всадника, заступившего им дорогу, намереваясь опрокинуть, смять, раздавить наглеца, но... Вихрь животной и человеческой силы натолкнулся на настоящий ураган разящей смертоносной стали. Кто-то еще пытался продолжить преследование, но, слыша за спиной звуки боя, поворачивал вспять, недоумевая, чем может быть вызвана эта задержка. Конан вертелся в кольце врагов, отбивая и нанося удары, словно стремительный водоворот, в который то и дело падали поверженные им враги.

Бой длился уже бесконечно долго. Хвонги были удивлены и напуганы. Еще никогда они не встречали человека такой потрясающей силы и стойкости. Они умели ценить мужество врагов и предлагали ему сдаться на почетных условиях. Но этот грозный великан, с головы до ног забрызганный своей и чужой кровью, лишь смеялся в ответ и страшно ругался на непонятном языке, наводя на суеверных кочевников благоговейный ужас. Усталости он не знал, а подставлять свою шею под безжалостные клинки гиганта больше уже никто не желал.

Все разрешилось само собой. Каурый Конана пал от полученных ран, и хвонги всей сворой набросились на киммерийца, чуть не задавив его своими телами, скрутили кожаными ремнями по рукам и ногам.

Конан медленно и мучительно приходил в себя, но был благодарен богам, по воле которых с небес на него обрушились целые потоки живительной воды, приносящие облегчение израненному, натуженному телу. Он приоткрыл глаза и увидел предрассветное небо, парящего в вышине сокола, скользящего по невидимым небесным волнам, и...

забоченные лица хонгов склонившиеся над ним. Новый поток воды хлынул ему на лицо. И тут он разом вспомнил все. Напрягая мышцы, Конан резко сел, бросая по сторонам злобные неприязненные взгляды. Руки его были накрепко связаны. Хонги от неожиданности шарахнулись прочь. Прошедшая ночь их многому научила — даже скрутившие пленника путы не придавали им смелости.

Соблюдая крайнюю осторожность и оставаясь вне досягаемости киммерийца, вперед выступил один из воинов, одетый побогаче остальных. Он был в добротном пластинчатом доспехе и железном островерхом шлеме, вокруг которого обвязал кусок белого полотна; цветной вендийский халат свободно накинут на плечи. Приложив правую руку к груди, хонг почтительно заговорил на вполне сносном туранском:

— Ты должен идти со мной, чужеземец. Если обещаешь вести себя тихо, я прикажу развязать тебе ноги. Иначе этим воинам придется тащить тебя силой. — Хонг выдержал короткую паузу и задал явно мучивший его вопрос. — Ты обещаешь мне это?

Стойкости киммерийца могли позавидовать мраморные статуи в храме Митры: ни один мускул не дрогнул на его окаменевшем лице, ни одно движение не выдало внутреннего накала. Уже вчера он был готов заглянуть в глаза смерти. Что ж, боги дали ему день отсрочки. Единственное в чем сейчас сомневался Конан — стоит ли их за это благодарить?

Не обращая внимания на боль в разбитых губах, он сплюнул в траву скопившийся во рту грязный комок земли вперемешку с кровью.

— Слово воина.

Незнакомец сделал вид, будто иного ответа и не ждал, но незаметно с облегчением вздохнул. По его знаку, двое воинов быстро разрезали ремни на ногах киммерийца и помогли ему подняться.

Конан огляделся по сторонам. Солнце едва показалось над горизонтом, но уже начинало припекать, и все живое спешило укрыться от его палящих лучей. Они стояли у озера, недалеко от места, где прошлой ночью разбили свой лагерь наемники. Весь берег был усыпан походными шатрами и палатками армии хонгов, вокруг которых сутились сотни людей. Коневоды гнали к озеру огромные табуны, гуртовщики вели к водопою отары овец. Люди собирали палатки и нехитрый походный скарб, укладывая в цветные кибитки с высокими скрипучими колесами. По всему было видно, что армия готовилась к выступлению.

— Сюда. — Хонг приглашающе повел рукой, указывая в сторону большого, словно царский дворец, шатра из дорогого кхитайского шелка.

Конан удивленно вскинул бровь.

«Неужто их вождь хочет меня увидеть? Тут, если вести себя умно — смерть может и подождать.»

Он уверенно зашагал вперед, насколько позволяли ему затекшие за ночь ноги. Правда, киммериец ждал, что говоривший с ним хвонг пойдет первым, но тот предпочел идти рядом с варваром, стараясь не оказаться к нему спиной. Повсюду на их пути трудилось и бездельничало множество воинов, и все они долгими взглядами провожали могучую фигуру киммерийца, с гордо поднятой головой ступавшего сквозь расступающуюся перед ним толпу. Он оставался равнодушен к враждебным или исполненным восхищения взглядам и той немой почтительности иуважению, с которым его встречали и провожали солдаты, — одинокий волк среди стаи псов. У входа в шатер процессия ненадолго остановилась. Хвонг-переводчик исчез за богато расшитым пологом, а Конан в окружении дюжины охранников остался за порогом, обмениваясь оценивающими взглядами с могучими стражниками, неподвижно застывшими у входа в покой вождя.

«Эти бы не побежали, поджав хвост», — с уважением подумал киммериец.

Когда его ввели в шатер, Конан даже зажмурился от блеска и роскоши внутреннего убранства: дорогие хауранские ковры, высокие серебряные светильники, золотые курильницы, богатое в самоцветах оружие на стенах...

«Зачем им возить с собой столько добра?» — удивленно подумал киммериец.

— Освободите ему руки, — услышал он повелительный голос и только тогда обратил свой взор на собравшихся в шатре людей.

Их было человек десять, одетых более чем скромно, но в доспехах и при оружии, которым мог позавидовать всякий уважающий себя воин.

Наверняка над ними трудились руки лучших оружейников Хайбории, как древних мастеров, так и умельцев нынешней эпохи.

Большинство присутствующих были уже далеко не молодыми людьми, исполненными чувства собственной значимости и достоинства, с убеленными сединами бородами, и шрамами на хмурых лицах. Но встречались и юноши, чьи смуглые щеки еще не знали прикосновения бритвы, с горящими вызовом взорами пронзительно карих глаз. К числу последних принадлежал и вождь хвонгов, сидевший, скрестив ноги, в центре группы на небольшом, застеленном коврами помосте — могучий богатырь с широкими плечами, высоким лбом и открытым благородным

лицом.

Его простая, с виду неброская кольчуга не привлекла бы глаз непосвященных, но Конан сразу узнал боссонскую работу, славившуюся на весь мир, и едва удержал завистливый вздох. Это его властный голос повелел снять с Конана путы. Было удивительно видеть этих суровых, равнодушных к изыску и лоску воителей среди вычурной пышности шатра.

Освободившись от ремней, Конан с удовольствием расправил плечи, гордо выпрямился и твердо встретил устремленный на него проницательный взгляд вождя.

Хвонг величественно взмахнул рукой, и переводчик заговорил, поклонившись владыке.

— Знай, чужеземец, что тебе неслыханно повезло. Ты стал пленником благородного Ракшаша — первого среди хонгских вождей. Благородный Ракшаш — величайший воитель, он восхищен твоим мужеством и доблестью, чужеземец. Поэтому он пожелал говорить с тобой.

— Воистину, ты храбро сражался, — перебил велеречивого переводчика вождь. — Я сам бы почел за честь встретиться с тобой в честном бою. Назови свое имя, чужеземец.

— Все называют меня Конан-киммериец, — спокойно ответил варвар. — Я сожалею, храбрый вождь, что случай не позволил нам скрестить клинки в эту ночь, и мы оба были лишены удовольствия.

Конан собрал всю выдержку в кулак. Он намеренно пошел по лезвию ножа, и речь его хоть и была почтительна, но слова легко можно было принять и за дерзость. Если он верно разобраться в этом человеке... Сейчас решалась его судьба...

— Ты хорошо сказал, киммериец! — Конан позволил себе немного расслабиться, услышав эти слова из уст Ракшаша, — Хоть я и никогда не слышал о твоей стране, но если все воины там такие же как ты, то твой народ достоин уважения.

— Благодарю тебя, вождь, за высокую похвалу. В краях откуда я пришел, есть много воинов, кто превзошел меня отвагой и знанием воинских искусств. В моей стране, как везде, встречаются и храбрые, и малодушные люди. Но воинская честь для киммерийца дороже всех земных богатств.

В душе Конан порадовался, что, странствуя по свету и общаясь с людьми разных сословий и званий, научился чопорной речи, высоко почитавшейся жителями Востока. Ответ киммерийца был с явным удовольствием выслушан всеми присутствующими.

— Скромность украшает воина, — почти ласково молвил Ракшаш и

дружески улыбнулся варвару.

— Позволь мне спросить, о великий, — подал голос один из седовласых воителей, сидевший с правой руки от вождя.

Ракшаш милостиво кивнул головой.

— Такой герой не может быть простым воином, — заговорил стариk. — Он должен вести в бой не меньше тысячи храбрецов, если, конечно, у Илдиза совсем не заплыли глаза от лести придворных вельмож.

Хвонги дружно рассмеялись, и Конан до боли стиснул зубы.

Ему совсем не понравилось, что в его присутствии плохо отзываются о человеке, которому он поклялся служить верой и правдой. Пусть даже в этих словах старика и скрывалась горькая правда.

Когда смех утих, седобородый закончил свою мысль:

— Так вот, если он большой начальник в войске Илдиза, мы могли бы получить за такого пленника хороший выкуп.

Присутствующие одобрительно загудели и закивали головами в знак согласия. Ракшаш поднял руку, требуя тишины.

— Что скажешь на это, Конан?

— Увы, великий вождь, боюсь, что разочарую тебя. Вряд ли во всем Туране найдется человек, кто дал бы за меня хотя бы медную монету. Я всего лишь десятник среди наемников, а скучость Илдиза уже вошла в поговорку в его войсках.

Собравшиеся снова засмеялись. Но не все, как успел заметить Конан, и сердце его вновь застучало тревожно; половина улыбалась лишь ради приличия.

Заметил это и Ракшаш, который тут же решил покончить с этим делом.

— Служи мне, Конан. И ты сам увидишь, что не родился еще тот человек, чей лживый язык мог бы назвать меня скupцом.

Конан из вежливости выждал какое-то время, будто обдумывая это щедрое предложение, и, не теряя достоинства, ответил:

— Прости, вождь. Но плох тот солдат, кто за большую плату готов предать своего господина.

Ракшаш, с нетерпением ожидавший слов варвара, с сожалением вздохнул.

— Ответ достойный, киммериец. Другого я и не ждал от тебя, — слегка покривив душой, сказал он... Этот синеглазый великан с каждым мгновением нравился ему больше и больше.

— Слушайте все мое решение! Я отпускаю тебя, Конан, ты волен уйти хоть сейчас же. Но я прошу оказать мне честь — будь моим гостем и

проводи нас до границы.

— Я польщен твоей щедростью, вождь. И соглашаюсь не из вежливости, а из искренних побуждений сердца.

Конан остался среди хвонгов и восемь дней шел с их армией на восток. Войско, обремененное тяжестью добычи и уgnанного скота двигалось медленно, проходя в сутки не более пятнадцати-двадцати лиг, широкой дугой рассыпавшись по степи. Чтобы проехать войско из края в край, требовался почти целый день. Хвонгам бы никогда не собрать такой армии, не помогай им вендийский владыка.

На великолепном гирканском жеребце черной масти, подаренном ему вождем, Конан ехал рядом с Ракшашем в окружении пышной свиты, проводя время в приятных беседах с умным и любознательным предводителем хвонгов. Уже на третий день пути впереди замаячили далекие горы, увенчанные сверкающими на солнце шапками ледников.

С каждым днем близость гор сказывалась все сильнее. Степь изрезали глубокие овраги и цветущие долины сотен пересыхающих ручьев и речушек, несущих свои воды с крутых западных склонов. Стали встречаться клочки леса, словно крохотные острова в океане, и Ракшаш не упускал возможности поохотиться на оленей и тигров, приглашая с собой киммерийца. В предгорьях войско разделилось, и дальше вожди племен вели своих воинов лишь им одним известными тайными тропами Хвонги Ракшаша разбили лагерь у прохода в узкую скалистую теснину. Здесь Конан простился с верховным вождем, не скрывавшим своего сожаления по поводу отъезда киммерийца.

По совету своего гостеприимного друга, знавшего эти горы, как собственный дом, варвар не стал возвращаться прежней дорогой.

«Если пересечь кряж Хована, держась направления вон на ту вершину, что прозвывается Ароват, ты попадешь в долину, где начинаются истоки Ильбарса. Следя течением реки, спустишься на равнину. Там стоит туранская крепость, где тебе помогут добраться до своих. Этот путь вдвое короче того, каким мы пришли сюда.»

Конан выехал ранним утром и держался указанной дороги, проложенной у подножия скалистых гор. Конь киммерийца — легкий на ногу, норовистый жеребец — бежал мерной иноходью, не замечая мелькающих под копытами лиг. Эта древняя, неведомо кем проложенная караванная дорога соединяла Туран с Вендией и Кхитаем. Но позже, с открытием водного пути через море Вилайет она утратила свое значение: трудный путь через горы, кишащие разбойниками-хвонгами был слишком опасен, по сравнению с морским путешествием. Туран, контролирующий

восточный путь, приносивший ему баснословный доход, взимавшийся в виде пошлин с многочисленных караванов, утратил к тракту интерес, а вскоре и вовсе потерял над ним всякий контроль. Дорога запустела, провалилась местами и не подновлялась уже несколько десятилетий. Теперь здесь безраздельно хозяйничали хонги, принадлежавшие к вендейским племенам.

Спор между Тураном и Вендией разгорелся из-за лесных угодий. Только на склонах этих гор рос драгоценный кедр, чья древесина высоко ценилась на всем пространстве от Аквилонии до Замбулы. Когда спрос на рынках на кедр возрос, жадный до золота Илдиз вспомнил о хонгских горах и послал сюда лесорубов и войско, но встретил решительный отпор со стороны горцев, поддержанных вендейским владыкой. Непрекращающиеся стычки в приграничье разорили весь край, хонги укрылись в горах, туранцы спустились в степи. В итоге, близилась неизбежная война.

К полудню Конан встретил на пути сбегающий с круч ручей и остановился на отдых. Он прилег в тени дикой яблони и, слушая веселый звон ручья, сам не заметил, как задремал. А когда проснулся, то не нашел ни коня, ни седла, ни дорогой вендейской сабли, изукрашенной самоцветами — еще один подарок Ракша... и даже плащ у него стянули. Кто-то весьма ловкий на руку обчистил киммерийца до нитки, оставив варвару только кинжал, да и то лишь потому, что не заметил его в спешке.

«Все, что дано одним человеком, всегда может отнять другой, — философски подумал Конан. Спасибо сапоги оставили.»

Искать пропажу не имело смысла. Киммериец исследовал оставленные вором следы и безнадежно махнул рукой — соперничать в беге с гир-канским рысаком он был не намерен. Но следы похитителя вели в ту же сторону, куда лежал путь киммерийца — и может, он еще и встретит обидчика. Выплеснув свой гнев с бурным потоком отборных проклятий, Конан скорым шагом направился на север, переходя временами на бег.

Вечером голодный и злой киммериец ежился у небольшого костра, недобрым словом поминая проклятого воришку и мечтая о сочном куске баранины с чесноком. Седельные сумки с припасами пропали вместе с седлом и со всем остальным. Спать пришлось лечь натощак.

На следующий день следы похитителя свернули в горы, и Конан, не задумываясь, оставил торную дорогу, горя желанием вернуть свое добро. Вверх по крутыму склону уходила-едва приметная козья тропа в развалих осипей, и варвар справедливо полагал, что с конем в поводу вор будет

двигаться медленнее, и киммерийцу, выросшему в горах будет нетрудно его нагнать. То, что до перевала через кряж Хована ему оставалось идти еще не меньше суток, Конана ничуть не смущало — вон он, пик горы Ароват, виден, как на ладони; разве здесь потеряешься. Через гряду оно даже ближе будет.

Весь день киммериец карабкался по скалам, с чувством удовлетворения замечая, что неумолимо настигает грабителя. Гирканский жеребец, привыкший к просторам степей, упрямо не желал лезть в горы. Да еще вор, по глупости, навьючил на него всю поклажу и сам норовил влезть гнедому на спину, в то время как гордый иноходец не признавал иной ноши, кроме всадника и седла. Но даже к исходу вечера, Конан все еще отставал на несколько лиг. Устраиваться на ночь снова пришлось голодным, но в бодром настроении — завтра Конан непременно намеревался нагнать похитителя и посчитаться с подлым воришкой.

Однако и следующий день не принес киммерийцу успеха. Тропа пошла по гребню гряды, где место было достаточно ровное для иноходца, и гнусный вор предпочел скорее калечить ноги благородного животного, чем волочить свои по острым камням. Конан был в бешенстве. Он яростно ломал ветки колючего карагача, не обращая внимания на в кровь исцарапанные руки, и швырял их в огонь. Его желудок настойчиво требовал пищи и гудел, как войсковой барабан. Единственное, в чем Конан не испытывал нужды, так-это в воде. Прозрачных горных ручьев с чистейшей водой ледников здесь хватало. Но мысль о баранине с чесноком неотвязно преследовала киммерийца, наполняя слюной его рот.

«Почему именно с чесноком?» — поймал вдруг себя на мысли Конан и, весь напрягшись, чутко потянул носом воздух.

Спустя миг, сомнений у варвара не осталось, нюх у него был отменный; легкий порыв ветерка донес до Конана резкий чесночный запах, смешанный с горьковатым дымком. Мгновенно Конан оказался на ногах, словно сработавший механизм арбалета, и крадучись пошел против ветра. Запах усиливался и возбуждал аппетит киммерийца, но варвар не спешил — в таких делах он не привык действовать сломя голову.

Через несколько сотен шагов Конан приблизился к гребню, за которым начинался пологий спуск с горы. Каменный вал нависал здесь над склоном наподобие козырька, под которым можно было укрыться от ветра и непогоды. Над гребнем, то бледнея, то ярко вспыхивая, плясали отблески костра. Одинокий красивый голос на странной смеси туранского и вендийского выводил веселую песню. Конан бесшумно подполз к краю карниза и осторожно выглянул вниз. В свете костра он увидел сидящего на

корточках человека в заношенном до дыр полосатом халате, с голыми ногами, в грубых стоптанных сандалиях. Бродяга 'беспечно пел и жарил на огне мясо. Недалеко от оборванца лежали до боли знакомые варвару седло и сабля, а в стороне стоял гирканский жеребец с торбой на морде, кстати, тоже принадлежавшей Конану, и довольно хрустел овсом. Гнев помутил рассудок киммерийца, и варвар прыгнул прямо вниз. Мягко, словно кот, опустившись на ноги, Конан перемахнул через костер и, схватив бродягу за воротник, легко оторвал от земли. Расширившиеся от страха глаза тощего оборванца с ужасом смотрели на киммерийца.

— Не убивай меня, грозный воитель! — взмолился бродяга, болтая в воздухе ногами. — Мое имя Бахман... Я бродячий певец. Меня все в горах знают! Клянусь, я в жизни не причинил никому зла!

— Ну, надо же! — насмешливо удивился Конан. — И откуда у тебя этот коиль?

— О, ради всего святого, пощади... — только и смог выдавить нищий, страдальчески закатывая глаза.

— Я вижу, ты меня узнал, — удовлетворенно сказал киммериец и разжал пальцы, сжимавшие воротник халата. — Ты грязный, жалкий вор.

Бродяга бесформенным мешком рухнул на землю, но тут же вскочил на колени и, молитвенно сложив руки, запричитал:

— Прости мой грех, о благородный воин! Клянусь своим голосом, Нергал попутал! Посмотри на меня, разве я похож на разбойника?!

Конан, не обращая внимания на причитания оборванца, снял с огня подрумянившийся кусок мяса и с наслаждением впился в него зубами.

— Э-эй!.. Что ты делаешь?! — опешил Бахман. — Это же мой ужин!

— Я не ослышался? — Конан вопросительно изогнул дугой бровь.

— Прости, — поспешил отступить обрваниец, прижав руки к груди. — Ешь на здоровье. Я не голоден.

Варвар не заставил себя уговаривать: он крепкими зубами отрывал куски мяса, неторопливо пережевывал, и нарочно громко глотал. Все это время Бахман, сгорбившись, сидел напротив и с тоской провожал голодными глазами каждый кусок баранины, нервно сглатывая слону. Наконец, он не выдержал и жалобно заскулил:

— Может, оставишь немного и мне?

Конан, даже не взглянув на бродягу, подвинул в его сторону глиняную плошку с вычищенными дольками чеснока. Бахман брезгливо поморщился.

— Благодарю тебя, незнакомец, — обиженно молвил он. — Ты проявляешь истинное милосердие к несчастному певцу.

Конан хмыкнул и не удостоил его ответа, целиком поглощенные едой.

На некоторое время замолчал и Бахман. Но аромат баранины назойливо раздражал вора.

— А ведь я мог тебя убить... — как бы размышил вслух, сказал он, подчеркнуто отвернувшись в сторону. — Но я не сделал этого.

— Думаю, ты сам себе врешь, — возразил ему Конан с набитым ртом. — Для того чтобы убить человека, одного голоса недостаточно.

— Да, наверное, ты прав, — тяжело вздохнул Бахман, потупив взор. — И поделом мне... Еще отец в детстве наказывал — не брать никогда чужого. Но что ты собираешься со мной делать?

— Ты знаешь эти горы?

— Я здесь родился и вырос, — гордо выпятив впалую грудь, ответил воришко.

— Тогда покажешь мне дорогу в долину Ильбарса, и, возможно, я тебя отпущу. А до этого свяжу, чтоб ты не вздумал удрать.

— К чему такие предосторожности? — шипя от боли, недовольно ворчал Бахман, пока киммериец ремнями скручивал ему ноги. — Никуда я не убегу.

— Когда я покидал родительский дом, мой отец тоже мне кое-что сказал на прощание: верь людям, сынок, но никогда не доверяй колдунам и еще певцам, — назидательно ответил Конан, проверяя крепость узлов. — Спи. Завтра ты нужен мне бодрым и свежим.

Сам он устроился возле костра, завернулся в плащ, положив под голову седло, и мгновенно уснул, ощущая приятную тяжесть в желудке.

Утреннее солнце разбудило Конана своим ласковым прикосновением. Первое, что он сразу заметил — исчезновение певца, но, внимательно осмотрев следы, киммериец решил, что беспокоиться не о чем. Ироническая улыбка скользнула по его лицу, и Конан стал неспешно собираться. Бахмана он нашел по четко видному следу шагах в ста от лагеря. Не сумев освободиться от пут, бродяга предпринял отчаянную попытку улизнуть, и эти сто шагов прополз на брюхе, извиваясь, словно змея. Когда Конан с гирканцем в поводу приблизились к нему, он даже их не заметил. Раскрасневшийся от натуги, воришко с остертвенением пытался перетереть ремни на руках об острый край камня.

— Может тебе помочь? — шутливо спросил его киммериец.

Певец вздрогнул от неожиданности, вскинул к небу исполненный муки взгляд и весь как-то сник. Впрочем, всего лишь на миг, после чего вновь обрел свой насмешливо-лукавый вид.

— Рад тебя видеть, господин! — не моргнув глазом, приветствовал он киммерийца. — Я тут как раз песню о тебе сочинял. Знаешь, иногда

поэтам нужно уединение... И вдруг поймал себя на мысли, что даже не знаю твоего благородного имени.

— Зови меня Конан из Киммерии, — вполне миролюбиво ответил варвар.

— Я так почему-то и думал, — загадочно промолвил вслух Бахман и неразборчиво забубнил себе под нос: — Киммериец... проходимец... нечестивец — нет, не то... Ага, вот оно!

Он неуклюже поднялся на ноги, гордо вскинул голову и торжественно произнес:

Певца отважный киммериец

Великодушно пощадил

Среди богов он был любимец,

Могучий воин, полный сил!

— Ну, как ты находишь? По-моему, неплохо?

Конан поморщился.

— Кто именно? — спросил он.

— Прости, о чём ты? — не понял его поэт.

— Кого ты называешь любимцем Богов — себя или меня?

— Ты ничего не смыслишь в высокой поэзии! — пылая благородным гневом, вскинулся оскорблённый поэт, но тут же забыл о своей обиде и с признанием добавил. — Однако чего иного можно было ожидать от варвара.

— Ладно, — примирительно хмыкнул Конан. — Ты доказал, что ты поэт. Теперь посмотрим, так же ли хорошо известны тебе горные тропы, как ты горазд сочинять стихи.

Конан быстро распутал ремни на ногах и руках певца и слегка подтолкнул его вперед.

— Веди! — приказал он. — И от того, насколько быстро мы доберемся в долину Ильбарса, будет зависеть — получишь ты свободу или нет.

— Не сомневайся. Положись на меня. Мы будем там к исходу завтрашнего дня, — и Бахман дружески подмигнул киммерийцу. —

Хочешь, я могу понести твой меч?

— Как-нибудь сам справлюсь, — буркнул Конан, удивляясь, почему до сих пор не проучил этого наглого поэтишку и терпит все его насмешки.

Они пошли вниз по склону: Бахман вприпрыжку бежал впереди, Конан с иноходцем следом. Поэт без умолку болтал, отчего у варвара вскоре разболелась голова, и он поклялся придушить певца, если услышит от него хоть слово. Бахман обиженно надулся и пол-лиги честно молчал, но потом не выдержал и снова принял нести всякий вздор, — такая уж у него была натура. Впрочем, бежал он уверенно, и дорогу, похоже, знал. Ругаясь про себя на словоохотливого поэта, Конан решил пока не прибегать к суровым мерам и старался не слушать его неугомонной болтовни. Когда дорога позволяла, он садился верхом на иноходца, к огромному неудовольствию певца. Но сколько бы тот ни прочитал, жалуясь на свои избитые ноги, Конан оставался глух и равнодушен к его слезным мольбам.

Бахман шипел и ругался, но даже при всем своем поэтическом даровании не находил нужных слов, чтобы достучаться до милосердия варвара. Так они шли целый день. А на ночь Конан снова связал певца, разразившегося целым потоком браны, который даже киммерийца привел в восхищение. Этим воришкой заслужил себе ужин и немного успокоился, смирившись со своим положением.

Утром они продолжили путь. Снежная вершина Ароват маячила впереди, и Конан не сомневался, что идут они верной дорогой. С лесистого отрога открывался вид на перевал, и Бахман уверял киммерийца, что, миновав его, они ступят в долину Ильбарса.

Певец действительно знал горы и из тысячи козьих троп всегда выбирал самую торную, где даже конь не чувствовал страха. Конан радовался в душе, что судьба послала ему столь ценного проводника. Подумаешь, беда, что он поэт — у всех есть свои недостатки... Бахман торопил, чтобы подняться на перевал еще засветло и иметь время спуститься в долину, — лучше провести ночь в лесу, а не студить кости на холодных камнях. Конан с ним согласился и подхлестнул коня. Он даже позволил поэту бежать с собой рядом, держась за стремя.

Но когда они достигли вершины и Конан окинул взглядом раскинувшуюся перед ним зеленую долину, лицо киммерийца окаменело, и он сурово посмотрел на поэта. Долина была восхитительна, разбитая на аккуратные квадраты возделанных полей и садов, с системой оросительных каналов, с террасами виноградников, взбегающих вверх по склонам, выше которых шли радующие глаз своей зеленью пастбища. Три крупных деревни насчитал киммериец и еще какие-то развалины в центре долины.

Ни о чем похожем Ракшаш его не предупреждал, да и реки Конан не видел, и быть ее здесь не могло. Вся долина, словно гигантский двор, была окружена неприступной стеной скал. Лишенная естественного стока, она давно превратилась бы в озеро.

— Куда ты меня привел, негодяй? — грозно спросил Конан, наезжая конем на поэта. — Где река?

— Клянусь своим талантом, река была! — слабо защищался Бахман.

— Ты обманул меня, сын овцы!

— Да разве бы я посмел!.. Ну, может, ошибся немного... Прекрасная долина, ничем не хуже той, что ты ищешь...

— Я раздавлю тебя, точно вошь! — стремительно выбросив вперед руку, Конан сграбастал поэта за горло.

— Как только эта мысль пришла тебе в голову?! — прохрипел тот. — Тебе эта ситуация ничего не напоминает?

Киммериец слегка усилил нажим.

— Отпусти меня, я все объясню! — задыхаясь завопил Бахман.

— Что ж, попробуйся еще раз, — неохотно уступил варвар.

Вновь обретя под ногами твердую почву, поэт почувствовал себя увереннее.

— Разве я виноват, что эта долина лежит у нас на пути. Твоя — следующая. А в этой деревне я когда-то родился. Жаль было упускать такой случай... Давай здесь отдохнем, отъедимся. А до Ильбарса я тебя провожу, есть отсюда дорога. Отсохни мой язык, если я вру!

— Я сам его вырву, если все это очередная ложь. Хорошо, заночуем здесь. Но ты пойдешь с петлей на шее, как нащокодивший пес, пока еще чего-нибудь не выкинул.

Не бросая слов на ветер, Конан выполнил свое обещание и въехал в деревню, ведя Бахма-на на ремне, несмотря на протесты и крики последнего. Обычная горская деревушка — одноэтажные домики из грубого плитняка, плоские крыши, крытые валявшимся повсюду сланцем. Здесь высоко ценили каждый клочок плодородной земли, приспособливая их под огороды. По улочкам бродили козы в сопровождении огромных мохнатых псов, недобро косившихся на чужака, но, видимо, настолько гордые своею работой, что не опускались до пустого лая. Поглазеть на киммерийца, казалось, высыпалась вся деревушка.

Пока он с гордым видом ехал по улице на великолепном породистом жеребце в своих белоснежных одеждах, и вид имел весьма впечатляющий, толпа все пребывала и пребывала, люди о чем-то шептались и молча следовали за ним. Конан был тронут таким вниманием, но постоянно быть

в центре всеобщего обозрения, в планы его не входило.

— Люди добрые, хватайте разбойника! — вдруг завопил Бахман, счтя, что слушателей собралось достаточно. — Он поклялся убить меня!

Конан приготовился к худшему, но никто не обратил внимания на крики певца. Это обстоятельство удивило киммерийца, и он стал внимательнее прислушиваться к разговорам селян.

— Сияваш, Сияваш, — без конца повторяли они, показывая на Конана пальцами.

— Глядите — это же Сияваш — посланник Небес!

— Значит, Боги услышали наши молитвы!

— Конец нашим бедам!

— Он спасет нас!

— Помогите мне, почтеннейшие селяне! — надрывался между тем поэт. — Это же я, Бахман!

Вид у певца и в самом деле был, как у побитого пса; такого странного приема он явно не ждал, рассчитывая на поддержку и помошь односельчан. И сейчас, с мольбой и укором вглядываясь в знакомые с детства лица и не находя в них и тени сочувствия, он встречал лишь полные счастья и радости взгляды. Происходящее озадачило его не меньше, чем киммерийца.

— Прекрати визжать! — Конан дернул ремень, и петля на шее поэта затянулась туже. — Веди меня на постоянный двор!

— Здесь не было и нет постоянных дворов, — хитро прищурившись, отозвался Бахман. — Но, думаю, любой из этих людей сочтет за честь принять нас в своем доме, если я что-нибудь понимаю в происходящем.

Видно, дошлый бродяга и в самом деле уловил что-то в словах поселян, лишенных смысла с точки зрения варвара, и мгновенно сменил свою тактику.

— Люди! Люди! — надрывал он глотку. — Встречайте своего избавителя! Бесстрашный сын Богов Сияваш снова с нами! Это я, Бахман, подвергая свою жизнь смертельной опасности, привел его к вам!

Певец, как обезьянка на цепи бродячих циркачей, скакал вокруг Конана, размахивая руками, словно базарный торговец, расхваливающий свой товар. Варвар с жалостью посмотрел на него.

«Наверно, боги и солнце отняли у него разум. А ведь неплохой был парень...»

Вслух он попробовал успокоить Бахмана, придав голосу самый дружеский тон:

— Что за бред ты несешь? Кому принадлежит это дурацкое имя — Сияваш?

— Молчи, молчи, глупый варвар, — скороговоркой зашептал поэт, одновременно глупо улыбаясь толпе и заговорщически подмигивая Конану. — Иначе ты все испортишь. Следи за мной и делай, как я скажу!

Киммериец скорчил недовольную гримасу. Поэт что-то задумал, и ничего хорошего варвар от этого не ждал — два дня общения с Бахманом уже многому его научили. Но высказать свое мнение по этому вопросу он не успел. От толпы отделились несколько глубоких старцев и приблизились к киммерийцу с низким поклоном.

— Прости, благородный воитель, за эту дерзкую речь, — прошамкал беззубым ртом самый старший из них, с седой козлиной бородой до пояса и длинным, в человеческий рост, посохом в руках. — Развей наши сомнения — ты Сияващ, или нет?

Конан открыл было рот, чтобы сказать ему правду, но случайно взглянув на поэта, заметил как тот отчаянно подмигивает ему обоими глазами и неожиданно для себя произнес:

— Да, это мое имя.

— Хвала богам! — облегченно воскликнул старик, и дружный радостный ропот пробежал по притихшей в ожидании ответа толпе. — Благословен же будь этот, поистине, счастливый для нас день!

— Почтеннейший Дастан, — обратил на себя внимание поэт. — Я привел героя в долину. Мы устали с дороги и голодны...

— Глядя на связывающий вас ремень, я бы сказал иначе, — старик ехидно хихикнул. — Не знаю, чем насолил ты Божественному, но раз уж он посадил тебя на цепь, значит, на то у него были причины.

— Да нет же! — горячо возразил Бахман. — Клянусь своей сладковзвучной флейтой, я сам надел петлю на шею и почитал за высокую честь, быть псом Посланника Небес.

Конан чувствовал себя весьма неуютно во время этого разговора, а нелепая ложь поэта раздражала и злила варвара. Он уже сожалел, что бездумно позволил втянуть себя в эту игру, за которой наверняка скрывалась какая-то тайна, а загадок киммериец не любил. Но старик похозяйски уже отдавал распоряжения селянам, и люди с просветленными лицами бегом бросались их выполнять. Наконец, он с почтением обратился к начинавшему терять терпение варвару:

— Прости нам эту заминку, храбрейший из героев. Мы не ждали так скоро твоего появления, хотя молились дни и ночи. Но поверь, ничто не в силах омрачить нашу радость. Скажи, где хочешь ты остановиться? Двери любого дома распахнуты перед тобой.

— Благодарю, — с трудом выдавил киммериец. — Твой дом,

почтеннейший Дастан, меня вполне устроит. Нам, действительно, нужен отдых.

— О, это огромная честь для меня! — довольный, стариk поклонился под завистливыми взглядами односельчан. — Идем, я провожу тебя.

Когда они ступили на двор, в доме старика уже все было готово к их встрече. Хозяйка жилища, почтенная Хумай вышла на порог с полной чашей козьего молока, по обычаю горцев, предназначавшейся самым почетным и уважаемым гостям. Во дворе уже жарилась над костром целая баранья туша; женщины у печи пекли большие круглые лепешки, украдкой бросая на киммерийца восхищенные взгляды. Конан улыбался в ответ, и девушки стыдливо отворачивались, заливаясь румянцем до кончиков ушей.

Варвар принял чашу из рук хозяйки и осушил ее наполовину — вторая предназначалась богам, чтобы обитатели дома всегда жили в достатке и благополучии. Он передал коня в руки шустройго внука Дастана, но сперва отвязал несчастного поэта.

— С тобой я позже разберусь, — зловеще пообещал он побледневшему, как смерть, певцу.

— Да что ты, Конан!.. Ой, прости, ты же теперь Сияваш! — вскинулся обиженный Бахман. — Пользуйся случаем — ешь, пей сколько влезет! Чего тебе еще надо?!

— Здесь что-то происходит, и это что-то мне сильно не по душе.

— Как только выдастся момент, я все тебе расскажу, — успокоил его певец. — Наберись терпения и без забот вкушай радости жизни. Да обо мне не забудь, ведь это я все так чудно устроил.

Внутри дом убрали по-праздничному: на земляной пол, присыпанный свежей соломой, постелили ковры, стены украсили ветвями цветущего жасмина, скотину выгнали на задний двор и тщательно обкурили углы благовониями. Конана и чрезвычайно довольного поэта усадили на почетные места из сложенных стопкой бараньих шкур за огромным низким столом, занимавшим всю комнату.

Женщины — невестки и дочери Дастана — появлялись одна за другой: кто с водой для умывания в медных сосудах, кто раздевал и разувал гостей и умащивал их благовониями, кто просто накрывал на стол.

— Как зовут тебя, милая? — учтиво обратился киммериец к черноокой красотке, натирающей его тело розовым маслом.

Он заметил ее еще в первый раз, когда девушка приносили им воду, и сразу выделил среди других. Стройная, женственная, с совершенной фигурой, с изящным станом, превосходящим красотой изогнутые зингарские клинки. Без тени жеманства, она не бросала на варвара

кокетливых взглядов, как большинство ее подруг, а была так естественна, что киммериец невольно залюбовался ею. Лишь взгляд ее глубоких черных глаз показался ему печальным, а улыбка, тронувшая губы девушки при звуке его голоса, немного грустной.

— Азада, господин мой, племянница почтенного Дастана, — тихо ответила она, скромно потупив взор.

— А меня — Ко... — варвар лишь вздрогнул от неожиданности, получив локтем в бок от Бахмана.

— Тебе незачем называть себя, господин, — улыбнулась Азада. — Всем жителям долины еще с колыбели известно славное имя небесного воителя Сияваша.

— Да, ты, наверно, права, — промычал в ответ варвар, одарив поэта испепеляющим взглядом.

Нежные и ловкие руки девушки, словно бабочки, порхали над киммерийцем, ласково касаясь его плеч и спины, и Конан зажмурился от удовольствия, млея, будто пригревшийся на солнышке кот. Он даже задремал от блаженства, но был безжалостно разбужен громким голосом Да-стана, разрушившим его сладкие грезы.

— Тебя, великий Сияваш, пришли приветствовать старейшины соседних сел. Дозволено ли будет им войти?

— Конечно, пусть войдут, и пусть разделят с нами этот стол, — радушно ответил Конан. — Да, и непременно позови всех уважаемых людей из этого села. Ведь именно к вам я пришел.

Старик расплылся от удовольствия, поклонился и, пяясь, вышел за дверь.

— А ты начинаешь вживаться в роль, — лукаво подмигнул ему поэт. — Смотри, какой стол — это же настоящий пир! Погоди, то ли еще впереди будет.

Что-то в последнем замечании или в самом голосе певца страшно не понравилось киммерийцу.

«Ох, не следовало мне доверять этому болтуни! В какую гнусную игру он умудрился меня втянуть?» — думал Конан, из-под нахмуренных бровей рассматривая беспечного поэта.

Но в это время в дверь вошли гости, и все внимание варвара обратилось к ним. Дастан по очереди представлял киммерийцу почтенных и уважаемых людей долины и рассаживал за столом. Народу посмотреть на Конана-Сияваша пришло столько, что к концу церемонии варвар уже откровенно скучал. Но вот все чинно расселись за праздничным столом, за которым еще оставалось достаточно места, и пир начался. Только тут

Конан вспомнил, что он голоден, и не стал отказывать себе ни в чем. Длинные здравицы и полные хвалебных слов речи гостей нисколько не прояснили для него ситуацию, наоборот, все окончательно спуталось у него в голове. Одно только варвар для себя уяснил — этот Сияваш, за которого его принимали, считался полубогом у жителей долины, он был героем их легенд, но появлялся лишь в тех случаях, когда людям грозила опасность. Люди, сидящие в этой комнате и поднимавшие чаши с вином в его честь, ждали от Конана подвига. Какого — оставалось загадкой?

«Героем хорошо быть за столом, богам — жить в небесных дворцах, а ходить по земле, ища на свою голову подвиги — это дело иное», — рассуждал киммериец.

Он себя героем не считал, он был воином. С уходом юношеских лет исчезло и стремление к славе, ему и так ее было не занимать. Но он не был трусом и не бежал от опасностей, хотя и не искал их никогда. Вопрос напрашивался сам собой — что, собственно, он тут делает? Однако исправлять положение было уже слишком поздно. На него с восхищением и надеждой взирали десятки человеческих глаз.

«Ну, поэт, ты кашу явно пересолил.»

Конан гневно стрельнул взглядом в сторону певца, но тут же его гнев растаял. Чем-то этот бродяга был симпатичен варвару: поэт уже успел до красноты в глазах налиться вином, хотя, казалось, ни на миг не закрывал свой болтливый рот, и пребывал на небесах блаженства. Конан лишь усмехнулся и решил подпортить бродяге праздник — довольно обжираться и пить вино.

— Бахман, друг мой, почему бы тебе не спеть для нас? — громко, чтобы все слышали, произнес Конан и вернул подмигивание поэту.

Просьбу героя тут же дружно поддержали развеселившиеся гости — отказать было невозможно. Бахман поперхнулся, закашлялся, лицо его налилось пунцовой краской, затем пошло белыми пятнами.

— Достоин ли ничтожный из поэтов услаждать слух богов? — попробовал он отвертеться.

— Не скромничай. Стихи твои прекрасны, как эти горы, а голос сладкозвучен, словно мед, — улыбнулся ему киммериец.

— Благодарю, — поклонился поэт, еще немного и он готов был наброситься на ухмыляющегося варвара. — Но я не могу петь без музыки.

— О, не беспокойся об этом, — поднялся из-за стола Дастан. — Моя племянница Азада чудесно играет на флейте и охотно поможет тебе.

«Какая удача», — подумал Конан. Он был не прочь еще раз полюбоваться красотой девушки.

Бедолаге Бахману не оставалось ничего, как только сдаться. Вошла Азада — сама скромность и чистота, и все глаза в восхищении обратились к ней.

А когда она заиграла, то все разговоры за столом стихли сами собой, и дом наполнился чарующими звуками волшебной музыки. К чести поэта, он тоже не ударил в грязь лицом; стихи, правда, немного хромали, но этот недостаток он восполнил за счет звонкого голоса и природного слуха.

После первой перемены блюд к пиরющим присоединились женщины, что было в обычай горцев. Конану этот обычай понравился, и он тут же усадил Азаду рядом с собой. Старик Дастан от радости чуть не прыгал и в ладоши не хлопал, польщенный «божественным» вниманием к своей племяннице. Да и сама красавица была тронута заботой варвара и не скрывала к нему симпатии.

Веселье разгорелось с новой силой и продолжалось далеко за полночь. Сегодня веселились все жители долины; в каждом селе, в каждом доме был праздник — вернулся Сияващ, а значит, все печали позади.

Отяжелевшие от обильной еды и выпитого вина гости уже разошлись. Особо подгулявших уводили под руки. Азада проводила Конана в спальню и застелила его ложе мягкими шкурами. Они уже о многом успели поговорить, но не настолько, чтобы отпустить друг друга.

— Прошу тебя, останься, — сказал киммериец, с нежностью взяв ее за руку.

И она осталась, слова были и не нужны...

Но насладиться счастьем им не дали. Дверь тихонько скрипнула, и кто-то заглянул в комнату. Послышался до боли знакомый голос:

— Вот здесь, кажется никого нет. Входи же, душа моя, — медоточиво звал поэт.

— Пошел прочь, пес! Здесь сплю я! — рявкнул Конан.

— А богоявленный Сияващ, — не растерялся Бахман. — Спи, спи. Мы тут тихонечко в уголке побеседуем о поэзии.

Певец за руку втащил за собой в спальню девушки.

Одним прыжком киммериец оказался рядом с ними и схватил поэта за шиворот.

— Ты, кажется, не слышал моих слов! — Без видимых усилий он выставил бродягу за порог и вслед за ним мягко выпроводил девицу.

— Что ты себе позволяешь, самозванец! — громким шепотом возмущался Бахман.

— Еще вернемся к этому разговору, — ледяным тоном пообещал варвар отшатнувшемуся поэту и хлопнул дверью у него перед носом

Азада беззвучно смеялась, сидя на ложе и обхватив руками колени.

— Ты такой странный бог, — прошептали ее губы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты такой... земной... — не задумываясь ответила девушка. — Ты непременно одолеешь Гива.

— Гива? — переспросил киммериец. — Кто та кой Гив?

На некоторое время в комнате повисла напряженная тишина, лишь глаза девушки горели во тьме, испытывающе изучая лицо киммерийца. Но он не отвел взгляда, и это убедило ее в его искренности.

— Я слышала, рассказывали старики — когда ты приходил в прошлый раз, то тоже не знал своего предназначения. Это было сто лет назад. Ты можешь расспросить любого, но если хочешь, то я могу рассказать эту страшную повесть.

— Услышать рассказ из твоих сладких уст будет наградой для меня.

Девушка благодарно улыбнулась.

— Когда-то, — начала она, — Стоял в долине дивный город Хаджир. Ты, наверное, видел его развалины, когда спускался с перевала. Здесь жили и вендийцы, и туранцы, и боги улыбались им с небес, оберегая заповедную долину. Пока на трон в Хаджире не взошел кровавый Гиштабс, возомнивший себя земным богом. Тех, кто ему не покорялся, тиран безжалостно казнил, и вскоре казни превратились в чудовищный ритуал человеческих жертвоприношений звероподобному владыке. И тогда боги отвернулись от нас, навеки прокляв долину, и в наказание из земных недр выползло ужасное чудовище Тахамтур, поселившееся в подвалах царского дворца и пожирающее людей. Но Тахамтур никогда не покидал своего убежища, безжалостный Гив выходил на поверхность и ловил людей для своего господина. Жители в страхе покинули город и расселились по всей долине, но беды их на том не закончились. Раз в месяц Гив выползал наружу и ловил всех, кто попадался ему на глаза. Вскоре выяснилось, что многих смертей можно было избежать, если на пути Гива оставлять лишь одного человека и не сердить чудовище долгими поисками. С тех пор так и повелось, — по очереди из каждой деревни выбирали по жребию жертву и раз в месяц приводили ее в одно и тоже место.

Но, воистину, велика милость Неба. Ужасный ритуал был омерзителен светлым богам, и тогда, он послал нам тебя, Сиявш. В жестокой битве ты убил кровожадного Гива — мир и покой снизошел на долину. Но, видно, огромна темная сила Тахамтура, и через сто лет Гив возродился. И снова, чтобы задобрить чудовище, был восстановлен жуткий ритуал, до тех пор пока вновь не явился ты. Так и повелось издревле: Гив возрождается раз в

сто лет, ты приходишь и убиваешь его. Но в ожидании тебя, народ долины платит кровавую дань Тахамтуру...

Для меня ты не шел слишком долго. В этом месяце жребий пал на моего сына, но еще раньше Гив взял моего супруга. Не знаю чем, я так разгневала богов...

Азада беззвучно заплакала и прижалась к груди киммерийца. Конан, потрясенный услышанным, обнял девушку и нежно гладил ее шелковистые волосы и вздрагивающие плечи.

— Не плачь, прошу тебя, — мягко уговаривал он. — Клянусь, твой сын останется с тобой. Верь слову Сияваша.

Девушка подняла на него заплаканное лицо, и в глазах ее мелькнул крохотный огонек надежды. Конан высушил прикосновением губ слезы на ее щеках, и уста их слились в горячем поцелуе...

Проснулся Конан один. Пока он одевался, в дверь осторожно кто-то постучал.

— Великий Сияваш, народ долины собрался на площади, чтобы вручить тебе твоё оружие, — послышался голос Дастана.

Конан открыл дверь. Старик поклонился ниже обычного. Вид его был такой счастливый, будто киммериецсыпал его золотом с ног до головы.

— Как провел ночь, богоравный герой? — лукаво улыбнулся старик.

— Эта была лучшая ночь, с тех пор как я спустился с небес на землю, — правдиво ответил варвар, возвращая улыбку. — Пойдем, не будем заставлять людей ждать.

Небольшую площадь в центре деревни заполнили толпы народа, а те, кто не смог пробиться вперед, теснились в примыкающих к ней улочках. Но все хотели видеть своими глазами, как Сияваш получит из рук старейшин карающий меч возмездия. Перед Конаном толпа почтительно расступалась и кланялась до земли. В центре площади на насико воздвигнутом возвышении его ждала группа седых стариков, к которым присоединился и Дастан. Киммериец неторопливо поднялся на помост и встал перед ними с гордо поднятой головой. Конан ожидал, что церемония будет долгой, с торжественными речами и гимнами в честь богов, но к удивлению варвара все произошло очень быстро. Вперед выступил один из старейшин, вскинул вверх руки и громким голосом произнес:

— Хвала Богам и первому среди них Эрлику, дарующему нам свет и тепло! Прими же, богоравный Сияваш, свой карающий зло меч и завтра сделай то, чему суждено свершиться!

Говоривший уступил место шагнувшим на сцену двум ветхим старцам, едва удерживающим в дрожащих руках грозный, сверкающий... Меч

оказался огромным боевым топором с режущим верхней кромкой.

Конан, прекрасно разбирающийся в оружии, ничего подобного никогда не видел. Ни в одной из известных ему стран оружейники не делали такого оружия. Он взял топор из рук старейшин, которые от чрезмерных усилий уже чуть не валились с ног, попробовал и от восхищения зацокал языком, на манер кочевников. Тот, кто сработал этот топор, был величайшим мастером своего дела. Длинное боевое топорище из незнакомого отполированного дерева так и ласкало ладони варвара. Конан высоко поднял оружие над головой и, словно играя, взмахнул им несколько раз.

— Слава Сиявшу! Слава герою! — взорвалась площадь неистовым криком толпы, подхватив шей на руки киммерийца.

Так, на руках, под рев собрания, ликующий народ вернул его в дом Дастана. После обильного завтрака Конан нашел Бахмана и прижал поэта к стене.

— Ну, что опять я сделал не так? — по привычке заскулил тот.

— Ты еще спрашиваешь меня об этом? — приступил к нему варвар. — Гнусный, грязный обманщик, ты заставил сорвать и меня!

— Ладно, ладно. Я виноват, — залепетал не на шутку перепугавшийся бродяга. — Но мне показалось, что ты именно тот человек, кто способен спасти долину. Неужели ты веришь в эту сказку о Сиявшем?! Да никогда его и не было!

— Может, и Гива никакого нет? — Конан с трудом сдерживал себя.

— Я вижу, ты уже многое знаешь. Гив, к сожалению, есть, и Тахамтур, наверное тоже, — с горечью ответил поэт. — Все, что касается зла, в легенде верно, как и то, что над нами сейчас светит солнце. А Сиявш... Иногда забредали в долину великие воины... Подумай сам, почему никто из героев не знал, зачем он здесь и как его тут зовут.

Конан отпустил поэта, доводы последнего показались ему убедительными.

— Как ты об этом догадался? — спросил варвар.

— Я же поэт. Ходил из деревни в деревню, расспрашивал стариков. Вот из всего и получилась такая картина, — не без гордости ответил Бахман.

— Хорошо, — задумчиво произнес Конан. — Главное — Гив смертен. Убить его, и конец обману.

— Не просто убить, надо у него еще ключ забрать и запереть вход в подземелье Тахамтура.

— Какой еще ключ? — нахмурился варвар.

— Откуда мне знать? Но, говорят, что Гив проглатывает его и носит в своем брюхе.

— А как он выглядит, этот ваш Гив?

— Рассказывают, он похож на громадного отвратительного паука, и повадки у него такие же. Никто не видел его из ныне живущих — боятся люди. Да потерпи до завтра, сам поглядишь.

— Порой твои шутки перестают меня забавлять, — Конан щелкнул поэта по лбу, отчего бедняга даже присел. — Я хочу видеть место жертвоприношений.

— Чего проще, — заохал поэт, потирая ушибленный лоб. — На южной окраине города стоят развалины древнего храма. Из деревни туда лишь одна дорога, не заблудишься.

Дорогу Конан нашел без труда. Старый, мощеный известняковыми плитами тракт шел вдоль восточного склона долины, змеясь среди садов и виноградников. Видно было, что эта дорога не в чести у селян: плиты растрескались и выкрошились местами, острые грани дыбились в разные стороны, и дорога напоминала застывший в камне бурный поток реки, низвергнутый с гор. Трава пробивалась на стыках, довершая печальную картину разрушения. Сады одичали, а буйные виноградные лозы из последних сил цеплялись за скалистые склоны, откуда потоками теплых вод уже давно вымылась вся земля, с таким упорством и трудом принесенная туда крестьянами.

Конан прыгал с камня на камень, с грустью смотрел по сторонам и задумчиво покусывал губу. Дорога нырнула в ложбину, и киммериец увидел развалины Хаджира. Невысокая крепостная стена превратилась в каменный вал, за которым еще угадывались правильные линии улиц, с фундаментами домов вдоль узких тротуаров. Улицы вели к заваленным каменной крошкой и мусором площадям, напоминающим высохшие озера, — а ведь когда-то здесь шумели базары и громкие голоса зазывал собирали у богатых прилавков сотни покупателей и зевак. Резвящийся ветер озорно гонял по улицам клубящиеся вихри кирпичной пыли и пожухлой листвы, которые, словно призраки, носились по улицам мертвого города.

Немногим лучше городских окраин сохранилась центральная часть Хаджира с дворцом правителя и особняками знати. Это место напоминало киммерийцу могильник, куда степняки сбрасывают павший от моров и старости скот. Величественные некогда колоннады и оставы зданий, выбеленные ветрами и солнцем, торчали в небо, будто кости гигантских животных, нашедших здесь свою гибель. И веяло от них чем-то тленным,

заставляющим сильнее биться сердце в груди суеверного варвара, потревожившего тысячелетний сон мертвого города.

Руины храма находились чуть в стороне. Широкий круг из шестнадцати колонн черного необработанного мрамора на несколько ступеней поднятый над землей. Гладкий пол из столь плотно пригнанных друг к Другу плит, что даже всесокрушающее время не смогло их разлучить. Обломки рухнувшего свода и серый монолит гранита посреди площади — вот все, что увидел Конан. Однако, исследовав место, киммериец заметил, что плиты вокруг жертвенника испещрены неглубокими ямками.

«Вот эти со следами сколов, наверняка оставлены лапами Гива, а эти... — размышлял варвар, — будто прожженные в камне... Может быть, яд?»

Не слишком довольный своими наблюдениями, он решил, что пора возвращаться.

Сегодня Конан был умерен в еде и ужинал лишь в обществе Дастана. Завтра в полдень он пойдет в мертвый Хаджир, взяв с собой только мальчика, сына Азады, и сразится с ужасным Ги-вом — не допусти Кром продления его черного рода! Но киммериец не хотел рисковать жизнью ребенка. Найдя певца во дворе праздно хранившим в тени ветвистой яблони, он пнул поэта в бок и присел рядом.

— Я решил завтра взять тебя с собой, — просто сказал киммериец, с ледяным спокойствием глядя в вытаращенные от ужаса глаза певца.

— Ну, уж нет! — запротестовал тот, когда к нему вернулась способность говорить. — Герой ты, а не я! И не уговаривай, лучше сразу убей!

— Возможно, я так и сделаю, — невозмутимо продолжал Конан. — Стыдись, неужели ты способен отдать мальчишку в лапы чудовища? Пусть ты не воин, но все-таки мужчина.

— Не хочу, не хочу! — Поэт залился горькими слезами. — Будь проклят день, когда я встретил тебя!

— Что ж, попытаюсь быть с тобой честным, — нетерпеливо вздохнул киммериец. — Вот тебе выбор: либо ты сам идешь, либо я приведу тебя силой? Что тебе больше по душе?

— Поистине, варварская щедрость и справедливость, — шмыгнул носом поэт, размазывая слезы по щекам. — Видно, мне суждено умереть! И виной всему упрямый киммериец, невзлюбивший несчастного поэта!

— Скорей наоборот — тебе бы следовало благодарить меня, — Конан ободряюще улыбнулся. — Прекрасный случай сложить песню и прославить

себя в веках.

Бахман надолго задумался, скребя небритый подбородок.

— Тебе бы, Конан, заклинателем змей быть, — наконец сказал он.

— Это еще почему? — удивился варвар, никогда не питавший приязни к ползучим тварям.

— Умеешь убеждаться!

Киммериец громко рассмеялся и дружески хлопнул поэта по плечу.

Утром селяне собирались во дворе, прияя проводить своего героя. Но когда они узнали о добровольном намерении Бахмана принести себя в жертву вместо маленького сынишки Азады, толпа пришла в неистовый восторг — женщины плакали в голос и не стеснялись благодарных слез.

Имя поэта звучало чаще, чем богоравного Сияваша. Каждый человек мечтал хотя бы дотронуться до оборванной полы его халата, чтобы потом, спустя многие годы, рассказывать детям и внукам об этом неслыханном случае.

И кто бы мог только подумать, что у какого-то бродяги бьется в груди благородное львиное сердце? Бахман приободрился и выпятил грудь колесом, но храбрости ему хватило лишь до окраины села, откуда их уже никто не рискнул провожать. Певец совсем спал с лица и шел, как на плаху, нарочно замедляя шаг. Конан с тревогой поглядывал на солнце, которое сегодня словно взбесилось, стремительно взбирайясь к зениту, но поэта не подгонял, понимая его чувства.

— Хочешь, я дам тебе кинжал? — участливо спросил его киммериец.

— Может, еще и топор свой предложишь? — огрызнулся Бахман. — Мне претит один вид оружия.

Дальше шли молча, и каждый думал о чем-то своем, но когда впереди показались развалины храма, поэт неожиданно для варвара спросил:

— Что я должен делать?

— Садись на камень и жди. Я спрячусь здесь рядом, за колонной.

— Давай лучше я спрячусь, а ты за меня посидишь, — с надеждой предложил Бахман, мысленно уже простившись с жизнью.

— Не бойся. Как ступит Гив на ступени — беги, — Конан показал рукой, куда именно следовало бежать. — Этому тебя учить не надо. Постарайся, чтобы чудовище повернулось ко мне спиной.

Пробурчав что-то неразборчивое в ответ, поэт устроился на камне. Конан еще вчера приглядев себе подходящее укрытие, откуда он был бы незамечен со стороны мертвого города. Он выглянул из-за колонны и выругался в полголоса — певец сидел с закрытыми глазами и читал молитвы.

— Эй, Бахман, глаза открай — чудовище прозеваешь! — рассерженно крикнул варвар.

Певец вздрогнул от его голоса, словно от ледяного прикосновения Гива, и ошело заозирался по сторонам.

Потянулось томительное ожидание. Солнце вскарабкалось на шпиль небосвода, а Гива все не было. Впрочем, Конан не беспокоился, его терпению мог бы позавидовать камень, истачиваемый тонкой струйкой воды. Поэт, после грозного окрика киммерийца, был начеку, стараясь лишний раз не сердить варвара. Он первым и заметил чудовище, вытянув вперед непослушную руку. Конан посмотрел в указанном направлении и содрогнулся.

Над развалинами Хаджира, словно черная грозовая туча, плыло невыразимо громадное мохнатое тело Гива. Металлический цокот когтей о камни мостовой был уже слышен, когда самих ног еще не было видно. Мерзкое бесформенное тело монстра словно раскачивалось между землей и небом на невидимых нитях. Несоразмерно маленькая голова чудовища пряталась в густой шерсти под брюхом, прямо у основания тонких, но необычайно сильных ног. Там сверкали крохотные бусинки красных глаз, и еще двигалось что-то непонятное, производя на свет ужасные стрекочущие звуки. Капли пенящейся зеленоватой жидкости обильно сочились из глаз паука, и там, где они падали на землю, камень начинал дымиться и таять, словно воск свечи.

«Свет! Солнечный свет жжет ему глаза!» — догадался киммериец.

Но Конан видел, что даже с его исполинским ростом до головы монстра никак не достать. Да и была ли она уязвимым местом чудовища? Гив двигался боком — так бегают земляные крабы — и шел уверенно, как если бы ходил этой дорогой сотни раз. Каждая его лапа заканчивалась острым, в костяных шишках наконечником длиной в локоть и прочностью не уступающим стали. Таким оружием он мог играючи пронзить сразу несколько человек, а так как ног у него было восемь, то впечатление это восьмикратно усиливалось.

«Если сражаться с ним на ступенях храма — шансов у меня никаких, а на земле — еще посмотрим...» — принял решение киммериец.

В это время очнулся Бахман и с громким воплем бросился бежать. Гив замер на месте с поднятой вверх передней парой ног, затем устремился в погоню за беглецом с завидной для такой громадины скоростью. Когда он поравнялся с киммерийцем, Конан выскочил из своего укрытия и от души рубанул по одной из лап. Лезвие прошло сквозь плоть, почти не встретив сопротивления. От неожиданности, охромевший Гив грузно завалился на

бок, чуть не придавив варвара, и на Конана посыпались отвратительные на вид паразиты, гнездившиеся в шкуре чудовища.

Но в следующий миг монстр был уже на ногах, резко разворачиваясь в сторону своего обидчика. Варвар одним прыжком перемахнул через храмовые степени, ускользая от смертоносных лап чудовища, и оказался на земле. Рядом с ним что-то жирно чавкнуло, и, бросив быстрый взгляд в сторону, он увидел, как на земле, прямо у него на глазах, растет черная выжженная яма, над которой поднимался отвратительный трупный смрад.

От следующего ядовитого плевка киммериец едва увернулся, а потом ему пришлось бежать, петляя вокруг кустов и останков строений, так как Гив ринулся в атаку. Варвар не ошибся: ноги чудовища увязали в мягкой, податливой почве, и это лишало его преимущества. Конан сумел забежать ему в бок и прежде, чем монстр напал, обрубил ему еще одну ногу.

Из раны хлынула зеленая жидкость, забрызгав белое одеяние киммерийца. Одежда затлелась, а вслед за ней кожа всухла волдырями, словно от сильных ожогов. Варвар стиснул зубы от жгучей боли и в ярости бросился на Гива. Чудовищные лапы монстра вонзались в землю рядом с киммерийцем, двигающимся со стремительностью атакующей кобры.

Ядовитая кровь чудовища заливала варвара, но он рубил и рубил, пока не лишил Гива всех ног с одной стороны брюха. Паук заскреб оставшимися лапами, неуклюже волоча громоздкое тело по земле. Он больше не хотел сражаться.¹ Спрятаться бы, забиться в нору и подождать, когда отрастут его новые ноги... но враг не давал ему уползти. Топор человека безжалостно терзал его плоть, и хотя он не чувствовал боли, но знал, что из страшных ран вместе с кровью уходят последние силы. Глаза паука потускнели, Гив дернулся последний раз и инстинктивно подобрал под себя искалеченные обрубки лап.

Но опьяненный битвой Конан неистовствовал до тех пор, пока не добрался до отвратительной головы монстра и не размозжил ее одним ударом. Лишь тогда он со стоном повалился в нескольких шагах от поверженного чудовища, и неподвижно лежал, глядя в небо помутневшим от боли взглядом.

— О, боги, ты убил его! Ты действительно его убил! — Над варваром склонилось восторженное лицо Бахмана.

— Воды, — прохрипел киммериец

— Воды? Да, да, сейчас. Полежи здесь, я что-нибудь придумаю.

Он исчез, и Конан устало прикрыл глаза, но и это незначительное усилие принесло ему массу страданий. Сколько долго отсутствовал поэт, киммериец сказать не мог, но когда он пришел в себя, то сразу

почувствовал облегчение во всем теле. Бахман сидел рядом с ним, поливая из кувшина многочисленные ожоги и прикладывая к ним какие-то листья, которые предварительно сам пережевывал.

— Тебе уже лучше? — заботливо спросил он. — Это вода из храмового источника. Говорят, что она целебная.

Конан резко выпрямился, с удовольствием отмечая отсутствие боли, и с отвращением стряхнул с себя зеленую кашу.

— А это что за дрянь?

— Ага, значит с тобой все в порядке... — На всякий случай поэт отодвинулся в сторону. — Если ты в состоянии идти, то вот тебе ключ.

Идем и запрем подземелье Тахамтура.

Поэт перебросил варвару длинный кремневый стержень со следами грубых ударов камня.

— Откуда ты его взял? — удивился Конан.

— А ты на Гива погляди.

Киммериец повиновался. От громадного тела чудовища осталась лишь зловонная жижа — солнце уничтожило порождение мрака.

— Я всю лужу перепахал. Только это вот и нашел, — рассказывал поэт.

— Ладно. — Конан легко поднялся на ноги, будто и не было поединка с пауком. — Идем. Чем скорее мы покончим с этим делом, тем скорее окажемся за праздничным столом.

— Впервые за все это время, ты говоришь разумные вещи. Но как ты его разделал! Словно родился мясником...

Они молча шли по улицам мертвого города. И не потому что им не о чем было поговорить, как раз наоборот, неугомонного Бахмана так и распирало почесать языком, но это заповедное место накладывало на них свой могильный отпечаток. От ветхих городских руин веяло тягостным духом бренности и томительного тысячелетнего одиночества. Ощущение того, что вот сейчас они соприкоснутся с легендой и сами станут частью ее, невольно пугало обоих.

Хаджир жил своей жизнью, непонятной и непривычной для смертного существа. То вдруг трава зашелестит, ветер закружит пожухлой листвой, то песок осыплется со стены, будто сорвавшись под чьей-то ногой, — жуткие звуки умершего города...

Огромный портал прохода в подземелье они увидели сразу. Один он и уцелел от царского дворца, в бурном потоке времени. Тяжеловесная каменная дверь была распахнута настежь, и вход зиял чернеющей пустотой, соединяя мир света с преисподней. Широкие мраморные

ступени круто сбегали вниз и терялись где-то в непроницаемой тьме.

— Что здесь раньше было? — спросил киммериец поэта, с опаской заглядывая в колодец.

— Не знаю, — шепотом ответил тот, — может узилище, а может, склеп. В других местах чудовища ведь не заводятся.

— Я хочу спуститься и посмотреть, — неожиданно заявил киммериец. Его сжигал огонь любопытства и ненависть ко всем чудовищам мира.

«Если я смог справиться с Гивом, то почему бы не помериться силой с самим Тахамтуром?» — подумал он и эта мысль укрепила его решимость.

Поэт одарил варвара таким взглядом, что Конан невольно проверил, на месте ли у него голова.

— Ты что, и правда возомнил себя Сиявшем? — спросил Бахман.

— Нет, но Гива я все-таки победил.

— Гив — жалкий клоп в сравнении с Тахамтуром! — взорвался поэт и тут же в ужасе закрыл рот рукой. — Если хочешь идти — пожалуйста. Только ключ мне оставь.

— Ключ будет со мной... для надежности. — На этот раз Конан даже не улыбнулся. — Жди меня здесь.

Из рваных от ожогов пол своего одеяния он соорудил подобие факела и, махнув рукой на протесты поэта, уверенно шагнул в темноту. Но уже через несколько ступеней мрак вокруг него сгустился настолько, что даже залитый солнечным светом портал за спиной показался лишь бледным пятном. Конан остановился в замешательстве. Факел освещал пространство вокруг не больше чем на пару шагов, будто скапливающаяся здесь веками темнота слизывала языки пламени.

Варвар сбросил наваждение и упрямо пошел вперед, опускаясь все ниже и ниже. Спуск казался бесконечным.

Внутри его кто-то отчаянно протестовал против этой безумной затеи, но Конан боролся с собой за каждый шаг. Крупные капли пота заливали его лицо, слипшиеся волосы лезли в глаза, но он не останавливался, пока не достиг подножия лестницы.

Что-то хрустнуло под ногой, и, чтобы рассмотреть, что это было, ему пришлось опустить факел к самой земле. В крохотном пятаке света открылся пол, залитый кровью, в которой плавали и скалили зубы человеческие черепа, уставившиеся на варвара пустыми глазницами.

«Кром! — ужаснулся киммериец. — Но ведь я стою на чем-то твердом!»

Он потянулся рукой и... на ладони его заискрилось несколько небольших рубинов. Пока Конан, не веривший в чудеса, приходил в себя,

что-то вздохнуло в глубинах земли, и все подземелье содрогнулось.

Факел мигнул и погас, хотя не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

И тут мрак будто ожил вокруг киммерийца, потянувшись к нему холодными скользкими щупальцами. Что-то шевельнулось у него под ногами.

Но не это заставило его попятиться — из глубин подземелья, а может, из самой бездны на него надвигалось нечто безжалостное и неуязвимое. Он не видел, не слышал его, но всем существом своим чувствовал, как оно стремительно приближается, сковывая ужасом руки и ноги. И Конан не стал дожидаться прихода Тахамтура, чтобы испытать на себе силу гнева подземного божества.

Он развернулся и бросился бежать вверх по лестнице. Конан бежал, не оглядываясь, падал, царапая в кровь руки, вставал и снова бежал, зная, что стоит ему оглянуться и... Ужас подземелья гнался за ним по пятам, приближаясь с каждым мгновением. Что-то хватало его из темноты, цеплялось за одежду, ледяным дыханием прикасалось к лицу и рукам.

Земля уже стонала у него под ногами, когда впереди забрезжил спасительный свет. Титаническим усилием он преодолел последние ступени и вырвался из паутины мрака, чуть не сбив с ног полуживого Бахмана.

Не давая себе передышки, Конан бросился к каменной створке и приналег на дверь плечом. Мышцы вздулись буграми, но ему едва ли удалось бы стронуть с места дверь, не приди ему на помощь поэт. Вдвоем они заперли вход, и Конан достал из-за пояса кремневый стержень. Ключ, точно живой, выпрыгнул у него из рук и скользнул в неприметное отверстие на поверхности камня. Раздался грохот, будто свод подземелья рухнул, и в тот же миг дверь содрогнулась, отшвырнув Конан и поэта на несколько шагов. Удар повторился, но камень выдержал. И после этого настала тишина.

Долго Бахман и киммериец сидели на земле, прислонясь друг к другу спиной, и переводили дух, пока пережитый ими ужас не стал еще одной страницей прошлого. И первым на этот раз пришел в себя поэт.

— Ты видел его, Конан? — спросил он.

— Нет, — коротко ответил варвар.

— Боги не жалуют тех, кто дерзко бросает им вызов, — немного помолчав, сказал поэт.

— Ты был прав — я никакой не Сияваш.

— Пусть это останется нашей тайной. А теперь не пора ли нам

возвращаться?

— Да, но у нас нет доказательств победы над Гивом... — Конан рассматривал на раскрытой ладони сверкающие гранями рубины, которые так и не выпусти из рук во время бегства.

— Какие еще нужны доказательства, кроме того, что мы вернемся отсюда живыми, — устало откликнулся поэт. — Идем, мне уже не терпится припасть губами к чаше славы.

Вскоре уставшие от неизвестности и долгого ожидания селяне с радостными криками и счастливыми слезами встречали двух героев. Три дня вся долина праздновала великую победу над ужасным Гивом и чествовала своих избавителей.

Но как только раны Конана зажили, простившись со всеми, они покинули долину, к нескрываемому неудовольствию поэта.

Еще через несколько дней Бахман привел киммерийца к истокам Ильбарса. Пришло время прощаться и им. Бахман плавно соскользнул с крупа лошади; теперь он весь путь занимал это место, если позволяла дорога. Конан тоже соскочил с седла и подошел к жмурящемуся от яркого солнца поэту.

— Может, все-таки поедешь со мной в Туран? Попытаешь счастья на городских площадях, где твой талант наверняка оценят, — предложил ему варвар.

— Спасибо, но это предложение не по мне, — с благодарностью извинился поэт. — По трем причинам. Во-первых, став героем, я и здесь могу жить припеваючи; во-вторых, в городах публика искушенная и вряд ли меня там заметят...

— Ну, а в-третьих? — не выдержал киммериец.

— Видишь ли, Конан, с тех пор, как я имел несчастье встретить тебя, я пережил столько ужасов и кошмаров, что мне их хватит с лихвой на всю жизнь. Боги слепили тебя из неприятностей, такая жизнь не для меня.

— Ладно, — добродушно улыбнулся варвар. — Вот, возьми это на память обо мне и наших злоключениях в горах

Он вынул из пояса несколько кроваво-красных камушков и, выбрав один из них, протянул поэту.

Глаза бродяги алчно заблестели, и он дрожащими руками принял рубин в свои ладони.

— Откуда у тебя такое сокровище?!

— Неважно... Что ты теперь намерен делать? — отмахнулся от вопроса варвар.

— Не знаю. Может, начну новую жизнь.

— Ладно... Прощай, Бахман, и пусть не забывают тебя боги! — Киммериец повернулся и направился к лошади.

— Постой, Конан! — слезливым голосом окликнул его поэт. — Позволь мне обнять тебя на прощание.

Они обнялись, и растроганный певец расплакался на груди киммерийца, к великому неудовольствию варвара.

— Мне пора, — сказал Конан и, не касаясь стремени, оказался в седле. — Может, еще и встретимся когда-нибудь.

— О, Небо, не дай тому случиться...

Конан подхлестнул своего жеребца и не рассыпал прощальных слов поэта.

Лишь много дней спустя киммериец достиг обитаемых мест и остановился на ночлег в таверне на окраине Хоарезма.

...А когда пришло время платить за постой, никто не мог понять, почему так ругается и веселится огромный северный варвар, в десятый раз перетряхивая свой пустой пояс.

OCR: Серiус

WWW.CIMMERIA.RU